

Остайтесь вчера

25 лет назад
Василий Шукшин
снимал
«Калину красную»

На съемки я приехала как корреспондент «Вологодского комсомольца». И хотя было это не первое наше общение, не мог мне Василий Макарович даже «по знакомству» уделить много времени днем. Я с почтением относилась к его занятости и потому согласилась совместить традиционное интервью с ужином в ресторанчике Белозерска. Нас провели в пустой банкетный зал, я уже достала блокнот, но Василий Макарович посмотрел на меня умоляюще:

- Не знаю, Нина, что говорить тебе, правда...

- А я соображу сейчас сама.

- Ну, сообрази, сообрази! - прищурился он.

- О Толе Заболоцком, например, расскажите, - я ухватилась за первую мысль. - Почему вы все время с ним снимаете?

- Ну, не все время, допустим, всего вторую картину... Что о нем сказать? Замечательный оператор... Интересно работает... Да и земляк мы с ним, из Сибири он, сосед... Что еще?

- Ну, о взаимопонимании, - двигалась я проторенными путями.

- Есть оно, я думаю. Есть... Ну, не знаю я, Нинон, что говорить! Ты уж сама там что-нибудь сочини, а?

Наверное, на моем лице отразилось отчаяние, потому что Василий Макарович, словно бы извиняясь, попросил:

- Понимаю я, что у тебя тоже работа. Только уж ты сама, а? Знаешь, где все эти вопросы о целях, идеях, замыслах? В-во! - он резанул себя рукой по горлу.

Официантка все не шла. Шукшин посмотрел на часы, потом на меня, растерянную, и вдруг заговорил:

- Хочется ведь что? Человека показать. Огромного, русского. Настоящую силу, цельность, честность. Вот, смотрите - такой вот он, человек настоящий! У него и судьба такая тяжела, потому что он честен, открыт и говорит то, что есть. Не как другие! И хотят сказать, да подумают сначала, что на это им ответят. Сидят в президиумах, наклонив пустые головы, и мнят о себе невесть что! А дела-то плохо идут на Руси! Плохо, чего скрывать... он вдруг словно вспомнил, что я рядом. - Ты-то как на жизнь смотришь? Как работает?

Я призадумалась. Всего год прошел со времени окончания университета, я едва-едва освоилась в областной газете.

- Как? Истыдно сказать, но иногда чувствую разочарование. Боюсь, что заставят меня халтурить, а я этого не выдержу. Твердят - давай про уборку! Про передовиков! Про показатели!

Василий Макарович внимательно слушал и подхватил ту же:

- Во-во! Им всем передовиков подавай! А что передовики? Сегодня одни, завтра другие, и не это важно, что они в деле передовые. Может, и дело-то их никому не нужное и даже вредное.. Человека надо показывать, душу его, потому что главное - он. Все проходит, а остается то, что вечное. Меня вот не волнует

Снова с исповедального тона Василий Макарович перешел к речи страстной, точно не я, ученически ему внимавшая, сидела напротив, а его идеиные противники, не осознающие вещей очевидных:

- Я-то вижу, что всякий простой рабочий-шофер лучше многих высоких чинов, которые только что и дрожат за свой кусок. Нормальный человек, было бы здоровье, всегда прокормить себя сможет. А им, вознесшимся, хочется, пока можно, урвать долю полегче, послаже да пожирней. В том и беда! А настоящие люди

ДЛЯ КОЕ-БЛИЗКОЕ

ет, например, что по Луне кто-то там ходит. Мне сосед мой намного интересней! И о нем-то и надо писать, раз уж мы люди. Пока мы есть на земле... Человек во все времена человек, и это всегда будет волновать.

Василий Макарович обернулся в поискках исчезнувшей официантки, но нигде ее не обнаружил. Тогда, прищурившись и словно ища поддержки, уже другим, доверительным тоном он произнес, глядя вдаль, сквозь прозрачные оконные шторы:

- Неважное, в общем, у меня настроение. Хочется верить, что кому-то нужно то, что делаешь. А тут... веришь, конечно. И все равно - тяжко!

Он полез вдруг во внутренний карман пиджака, достал письмо и газету, стал ее разворачивать.

- Вот - обругали на Алтае мой фильм «Печки-лавочки»!.. Говорят, отстал я от жизни деревни, все, мол, уже не так у меня на родине. И люди совсем не такие, как мой Растворгев! Пишут, глуповат он и однобокий получился, - Шукшин тыкал пальцем в текст, словно я могла не поверить ему на слово. - Пристрастие к выпивке, ревность да болезненное самолюбие - вот и весь характер. И вообще - незавершенный какой-то фильм...

Когда бы понимала я тогда столько, сколько теперь, я нашлась бы, наверное, чем поддержать этого большого и ранимого человека. Но я молчала, боясь помешать внезапному откровению, на которое в тот вечер совсем не рассчитывала.

А Шукшин, сам себе отвечая, продолжал:

- Лепет какой-то! Уж молчали бы, если не чувствуют, не понимают, что этот человек и их-то выше во многом!

не перевелись еще. Вот их-то и хочется мне показать, я люблю их...

Шукшин быстро-быстро заморгал и тотчас вернулся мыслями туда, где мы находились, - в Белозерск, на съемки «Калины...».

- Вот и теперь мне, наверно, опять будут мешать, опять станут держать фильм, - добавил он неожиданно спокойно, почти равнодушно. - Скажут, что герой у меня - вор, а не передовик!.. Но я буду умнее. Я не стану нервничать, пусть будет, как будет - пустят, не пустят...

- Но ведь не получится не нервничать, - неуверенно вставила я.

- Попробую! - ответил Шукшин, как боднулся. - А то измотался я весь. Из злой стал как собака - не тронь меня!

И опять я молчала, страстно желая облегчить его страдания - хотя бы рукой провести по его опустившимся плечам! - и понимая, что не в силах этого сделать...

Нина ВЕСЕЛОВА